

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

1901.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1902.

емъ въ живой формѣ излагать своя впечатлѣнія — которыхъ не могла бы замѣнить ему никакая книжная ученость и безъ которыхъ невозможно составленіе толковаго «Путеводителя». Отмѣченные выше недостатки книги могутъ быть исправлены въ слѣдующихъ изданіяхъ, на появленіе которыхъ, какъ видно изъ заглавнаго листа, разсчитываетъ авторъ, указывающій въ предисловіи еще другой, болѣе вѣрный путь къ достиженію намѣченной цѣли: «Для составленія полнаго, хорошо обоснованнаго путеводителя необходимо участіе нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ каждое взяло бы на себя описаніе той области, въ которой ему приходится жить и работать. Такая коллективная работа могла бы быть исполнена членами областныхъ статистическихъ комитетовъ». Нѣтъ сомнѣнія, что такой коллективный трудъ, составленный по однообразной, заранѣе выработанной программѣ, по возможности подъ редакціей одного лица, былъ бы встрѣченъ съ благодарностью всѣми, кто заинтересованъ въ успѣхахъ изученія Туркестанскаго края. При правильной постановкѣ дѣла, такая книга могла бы дать намъ полное, всестороннее описаніе природы края, жизни его современныхъ обитателей и замѣчательныхъ памятниковъ старины; что касается историческихъ очерковъ, то тутъ дѣло обстоитъ гораздо труднѣе. Для самостоятельныхъ историческихъ изысканій требуется спеціальная подготовка, а надежныхъ пособій по исторіи края и его отдѣльныхъ областей¹⁾ до сихъ поръ почти не существуетъ. Рецензентъ поэтому можетъ только повторить пожеланіе, въ свое время²⁾ высказанное проф. Н. И. Веселовскимъ, чтобы подобные труды появлялись «если возможно, безъ исторіи».

Къ книгѣ приложены планъ русской части Ташкента и карта Туркестанскаго края, крайне неудовлетворительная. В. Б.

296. Fr. v. Schwartz, Turkestan, die Wiege der indogermanischen Völker. Freiburg im Breisgau 1900. XX+606 p.

Какъ ни громко заглавіе новой книги автора сочиненія о походахъ Александра Великаго въ Туркестанъ³⁾, однако оно не вполне передаетъ теорію, высказанную имъ здѣсь во введеніи⁴⁾ и болѣе подробно развитую

1) Только по исторіи Мерва и Закаспійской области мы могли бы указать на извѣстный трудъ проф. В. А. Жуковскаго «Древности Закаспійской области. Развалины Стараго Мерва». Знакомство съ этой книгой позволило бы г-ну Гейеру дать своимъ читателямъ болѣе правильныя свѣдѣнія о прошломъ Мерва и о памятникахъ этого прошлаго, чѣмъ тѣ, которыя мы находимъ въ его книгѣ (стр. 100—101).

2) Зап. Вост. Отд. II, 280.

3) См. объ этой книгѣ Зап. Вост. Отд. VIII, 375.

4) Гдѣ при цитатахъ изъ книги не отмѣчены страницы, имѣются въ виду страницы введенія.

въ другомъ трудѣ его «Потопъ и переселенія народовъ»¹⁾. Туркестанъ, по мнѣнiю г-на Шварца, былъ колыбелью не только индо-европейцевъ, но «всѣхъ культурныхъ народовъ нашего времени»: прародиной китайцевъ была Кашгарiя, прародиной семитовъ — южный берегъ Каспiйскаго моря и юго-западная часть Туркестана. Всѣ эти народы были вынуждены покинуть свою родину вслѣдствiе постепеннаго усыхания страны; этой же причиною были вызваны позднѣйшiя переселенiя народовъ, до походовъ Чингизъ-хана включительно; переселенiя прекратились только тогда, когда «почти вся Средняя Азiя была обращена въ пустыню, и количество населенiя сокращено до минимума». Метеорологическiя наблюденiя показываютъ, что и теперь количество испаренiй гораздо значительнѣе количества осадковъ, такъ что превращенiе края въ пустыню продолжается и въ настоящее время. Отъ того надежды русскихъ политиковъ и ученыхъ на процвѣтанiе края подъ русскимъ владычествомъ всегда внушали автору только «чувство сожалѣнiя» (стр. 582). Не войны вызвали опустошенiе страны, напротивъ, войны были вызваны тѣми же причинами, которыми обуславливалось сокращенiе культурной площади. Подъ влiянiемъ недостатка воды приходилось бросать одинъ участокъ за другимъ; пока край имѣлъ многочисленное населенiе, жители могли добывать себѣ новую родину путемъ завоеванiя; послѣ уменьшенiя количества населенiя они были вынуждены бороться между собой за оставшiяся плодородные участки; оттого всѣ среднеазiатскiя войны были не завоевательными, а истребительными. Въ настоящее время «въ Туркестанѣ использованы каждый дюймъ способной къ обработкѣ земли и каждая капля воды; обработка новыхъ участковъ неизбежно влечетъ за собою запущенiе старыхъ, приносявшихъ раньше плоды» (стр. 584). Русскiя поселенiя могутъ процвѣтать только въ ущербъ туземнымъ; въ Семирѣчьи основанiе русскихъ поселенiй повело къ сокращенiю и безъ того незначительныхъ киргизскихъ запашекъ; процвѣтанiе садовъ русской части Самарканда имѣло самыя печальныя послѣдствiя для благосостоянiя окрестностей Бухары. Книга оканчивается рѣшительнымъ заявленiемъ, что «Туркестанъ не имѣетъ экономической будущности и обреченъ на неизбежную гибель».

Таково, въ главныхъ чертахъ, представленiе г-на Шварца о прошломъ и будущемъ края. Нетрудно видѣть, какъ шагки основныя положенiя этой теорiи и какъ мало они подтверждаются историческими данными. Г-нъ Шварцъ упоминаетъ о томъ, что онъ прожилъ въ краѣ болѣе 15-ти лѣтъ (1874—1890 г.) и пѣздилъ его вдоль и поперекъ; тѣмъ болѣе уд-

1) Sintfluth und Völkerwanderungen. Stuttgart. 1894.

вительно, что онъ, не говоря уже объ изученіи исторіи страны по письменнымъ источникамъ, имѣеть крайне смутное понятіе о существующихъ памятникахъ старины и о характерѣ современнаго населенія, особенно кочевого. Знатки археологіи края съ недоумѣніемъ прочтуть слова автора, будто сохранившіеся въ краѣ остатки городовъ и арычныхъ системъ показываютъ, что страна нѣкогда была населена «сотнями миллионовъ» людей, притомъ не кочевниковъ, а осѣдлыхъ жителей. Еще болѣе странно утвержденіе автора, что кочевники вовсе не питають ни склонности къ кочевой жизни, ни отвращенія къ труду земледѣльца, что они кочуютъ только по необходимости и «немедленно» переходять къ осѣдлой жизни, какъ только имъ удастся овладѣть плодородной областью. Самъ г-нъ Шварцъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 79) замѣчаетъ, что земледѣліемъ занимаются большею частью только бѣднѣйшіе киргизы, стада которыхъ недостаточно велики, чтобы прокормить своихъ хозяевъ, и что окончательно переходять къ осѣдлой жизни только тѣ, которые совершенно лишились своихъ стадъ. Уже этотъ примѣръ долженъ былъ бы показать автору, что кочевники не такъ легко расстаются съ вольной степной жизнью и что переходъ ихъ къ осѣдлости въ завоеванныхъ областяхъ слѣдуетъ объяснитъ давленіемъ обстоятельствъ, рассмотрѣніе которыхъ отвлекло бы насъ слишкомъ далеко ¹⁾. Какъ видно изъ его труда «Потопъ и переселенія народовъ», г-нъ Шварцъ не вѣритъ, что обширныя имперіи въ Средней Азій были основаны исключительно кочевниками. Какъ ни мало склоненъ г-нъ Шварцъ къ наивной идеализаціи характера туземцевъ, онъ на стр. 511 названнаго труда повторяетъ наивныя слова идеалиста ²⁾ Миддендорфа, будто сохранившіеся въ Монголіи остатки обширныхъ каналовъ указываютъ на то, что Чингизъ-ханъ и его монголы сначала добросовѣстно употребили всѣ усилія, чтобы честно жить трудами своихъ рукъ, и только подъ давленіемъ необходимости рѣшились «пожнать тамъ, гдѣ они не сѣяли». Кто знакомъ съ исторіей возвышенія Чингизъ-хана, тотъ знаетъ, какъ мало такое представленіе соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ событіямъ.

Нынѣшній русскій Туркестанъ произвелъ только одного великаго завоевателя, Тимура; что походы Тимура не были вызваны усыханиемъ страны, видно уже изъ того, что царствованіе Тимура и его преемниковъ было временемъ процвѣтанія мѣстной культуры, восстановленія разрушен-

1) Отчасти эти обстоятельства изложены въ моемъ трудѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» (стр. 329—330).

2) См. его отзывъ о характерѣ сартовъ (Н. П. Остроумовъ, «Сарты», изд. второе, стр. 56—53).

ныхъ городовъ и заброшенныхъ каналовъ. Исторія Туркестана вовсе не представляетъ намъ картины непрерывнаго упадка, какъ, повидимому, думаетъ г-нъ Шварцъ; въ зависимости отъ политическихъ условій, за періодами упадка слѣдовали періоды новаго культурнаго развитія. И теперь, подъ русскимъ владычествомъ, вновь призваны къ земледѣльской культурѣ именно тѣ мѣстности, гдѣ эта культура процвѣтала въ прежніе вѣка и, по теоріи г-на Шварца, прекратилась вслѣдствіе недостатка воды. Вновь протянулся рядъ селеній вдоль сѣвернаго склона Александровскаго хребта, по долинѣ рѣки Чу и по берегамъ Иссыкь-кули; на Мургабѣ, гдѣ теперь устроено Государево имѣніе, болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ было имѣніе халифа Мамуна, причѣмъ уже тогда вслѣдствіе устройства этого имѣнія сталъ ощущаться недостатокъ воды въ Мервѣ¹⁾, изъ чего видно, что въ Мургабѣ тогда было немногимъ болѣе воды, чѣмъ теперь. Опровергая мнѣніе г-на Шварца о прошломъ Туркестана, эти данныя въ то же время заставляютъ полагать, что будущность края не такъ безнадежна, какъ представляется нашему автору. Мнѣніе его о процвѣтаніи окрестностей Самарканда въ ущербъ окрестностямъ Бухары справедливо, но замѣчаніе о Семірѣчьѣ гораздо менѣе убѣдительно; сколько намъ извѣстно, только въ рѣдкихъ случаяхъ отнимались у киргизовъ, въ пользу русскихъ переселенцевъ, орошенные и обработанныя земли²⁾. Основаніе русскихъ селеній повело къ сокращенію киргизскихъ пастбищъ; если бы киргизы такъ жаждали перейти къ осѣдой жизни, такъ увѣрять г-нъ Шварцъ, то они примирились бы съ этимъ безъ особаго труда; такъ какъ этого нѣтъ, то благосостоянію кочевниковъ, несомнѣнно, нанесенъ чувствительный ударъ, и переходъ ихъ къ новой жизни совершается не безъ тяжелыхъ потрясеній. Не знаемъ, насколько отразилось бы на благосостояніи кочевниковъ возстановленіе, въ пользу русскихъ переселенцевъ, старыхъ каналовъ по среднему и нижнему теченію Сыръ-дарьи; но едва ли можно оспаривать, что никакіе земледѣльческіе интересы отъ этого не пострадали бы. Извѣстія арабскихъ географовъ, приведенныя въ моемъ трудѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», показываютъ, что въ періодъ времени около 1000 лѣтъ количество воды въ Средней Азіи уменьшилось въ очень незначительныхъ предѣлахъ; по отзыву путешественниковъ XIX в. даже описаніе Бактріи, сдѣланное Квинтомъ Курціемъ, оказывается вполне подходящимъ и для настоящаго времени. Нѣтъ основанія полагать, что теперь усыханіе страны

1) Bibl. Geogr. Arab. III, 299.

2) На одинъ подобный случай (основаніе Копальской станицы) обратила мое вниманіе редакция «Русскаго Туркестана» въ подстрочномъ примѣчаніи къ моему статьѣ.

совершается быстрѣе. Въ статьѣ «О колебаніяхъ уровня озеръ въ Средней Азіи и Западной Сибири» гг. Л. Берга и П. Игнатова, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.» за 1900 г. (вып. I, стр. 111—125), доказывается, что за послѣдніе годы въ Туркестанѣ замѣчается значительное увеличеніе количества осадковъ и быстрая прибыль цѣлага ряда озеръ. Авторы не отрицаютъ постепеннаго усыхания страны, но находятъ возможнымъ утверждать, что «время отъ времени усыханіе пріостанавливается благодаря вспыхивающимъ мимолетнымъ проблескамъ жизни, какими оказываются отмѣченные нами повышенія уровня, чтобы затѣмъ пойти опять той же колеей» (стр. 125). Повидному, эти «проблески» всетаки настолько задерживаютъ процессъ усыхания, что этотъ процессъ имѣетъ значеніе только для геологическихъ періодовъ, но не для исторіи жизни отдѣльныхъ народовъ. Г-нъ Шварцъ придерживается другого мнѣнія и, ссылаясь на старыя карты, утверждаетъ, что условія орошенія въ краѣ значительно измѣнились еще въ историческое время; но насколько рискованно дѣлать выводы на основаніи такого источника, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. По словамъ г-на Шварца (стр. 581) на японской картѣ XV в., сдѣланной на основаніи показаній буддійскихъ паломниковъ VII в., отмѣчена рѣка, вытекавшая изъ озера Иссыкъ-куль и впадавшая въ Аральское море; между тѣмъ въ описаніи путешествія паломника VII в. Сюань-цана вполне опредѣленно говорится, что уже тогда вода озера имѣла горько-соленый вкусъ¹⁾ — лучшее доказательство, что и въ то время не было никакой рѣки, вытекавшей изъ озера.

Такимъ образомъ мнѣніе г-на Шварца объ общемъ ходѣ исторіи Средней Азіи находится въ полномъ противорѣчій съ фактами. Такое же незнакомство съ фактическими извѣстіями по исторіи края и съ элементарными научными приѣмами проявляется въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ замѣчаній автора. Г-нъ Шварцъ утверждаетъ, что въ Средней Азіи географическія названія давались только городамъ, не мѣстностямъ, и что только европейцы, начиная съ историковъ Александра Македонскаго, переносили названія главныхъ городовъ на области; даже слово «Туркестанъ» первоначально было только названіемъ города; отъ незначительнаго города Туркестана получила названіе вся страна, населенная преимущественно тюрками (стр. 178). Г-нъ Шварцъ не знаетъ, что слово «Туркестанъ» употреблялось въ такое время, когда о городѣ Туркестанѣ не только подъ его нынѣшнимъ, но и подъ его старымъ названіемъ (Ясы) и помни не было. Остатками древнѣйшаго населенія края авторъ считаетъ гальчей, которые въ своихъ

1) См. мой «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 59.

горахъ будто бы сохраняли почти безъ измѣненія первоначальный индоевропейскій языкъ (стр. 9). Какъ извѣстно, нарѣчія гальчей уже носятъ на себѣ всѣ признаки принадлежности къ иранской группѣ, слѣдовательно образовались уже послѣ распадѣнія индоевропейцевъ на существующія нынѣ племена. Названіе народа гальчей г-нъ Шварцъ сближаетъ съ названіемъ кельтовъ, галловъ; по его изслѣдованію (болѣе подробно изложеному въ книгѣ «Потоги и переселенія народовъ») укрѣпленія, воздвигаемыя нынѣшними обитателями Дарваза, устроены совершенно такъ-же, какъ описанныя у Цезаря галльскія укрѣпленія, изъ чего «съ полной очевидностью» (klar und deutlich) слѣдуетъ, что народъ, господствовавшій въ Галліи во время Цезаря, выселился изъ Дарваза (стр. 439). По поводу словъ Уйфальви, что гальчи сближаютъ названіе своего народа съ названіемъ птицы ворона, г-нъ Шварцъ замѣчаетъ что вѣроятно, имѣется въ виду какое-нибудь слово, соответствующее русскому «галка» (стр. 9).

Нѣсколько болѣе интересна часть книги, посвященная современному положенію края, хотя и эта часть не обнаруживаетъ въ авторѣ особенно внимательнаго наблюдателя. Въ началѣ (стр. 51—136) описывается бытъ кочевниковъ, преимущественно киргизовъ-казаковъ; о другихъ народахъ (кара-киргизахъ, калмыкахъ, кочевыхъ узбекахъ, туркменахъ и цыганахъ) сообщаются только самыя краткія свѣдѣнія. На стр. 122 говорится, что киргизы крайне рѣдко подвергаются заразителнымъ болѣзнямъ; авторъ не помнитъ, видѣлъ ли онъ когда либо киргиза со слѣдами осы. На стр. 132 сказано, что туркменскія юрты устроены совершенно такъ-же, какъ киргизскія, хотя нѣкоторое отличіе между юртами тѣхъ и другихъ видно даже на иллюстраціяхъ, приложенныхъ къ книгѣ (особенно №№ 34—37). Болѣе подробно описывается бытъ осѣдлага населенія, хотя этотъ очеркъ (стр. 139—445) посвященъ почти исключительно описанію азіатской части Ташкента и ея жителей. Если исключить фантастическія разсужденія о прошломъ города, который будто бы носилъ нѣкогда названіе Шашкентъ (стр. 150), и нѣкоторые сомнительные анекдоты о порядкахъ при ханскомъ владычествѣ, то эта часть книги можетъ дать читателю, незнакому съ краемъ, довольно полное и вѣрное понятіе о главномъ городѣ Туркестана. Разсказы анекдотическаго характера занимаютъ еще болѣе значительное мѣсто въ очеркѣ быта русскаго Ташкента (стр. 445—526). Авторъ знаетъ, что изъ слуховъ, распространяемыхъ скачущими обывателями Ташкента, девять десятыхъ ложны (стр. 472), и все-таки передаетъ, въ качествѣ достоверныхъ фактовъ, разсказы, явно относящіе на себѣ характеръ сплетни. Въ двухъ мѣстахъ дѣлается попытка дать общую характеристику типа русскаго туркестанца; на стр. 460 этотъ типъ сравнивается съ американскимъ,

и характерными чертами его признаются необыкновенная самостоятельность, рѣшительность и выносливость, но въ то же время крайняя беззащитность, эгоизмъ и жестокость. Однако, уже на стр. 470 характерными признаками европейца, прожившаго долгое время въ Туркестанѣ, названы черты вовсе не американскія—полная апатія и отвращеніе ко всякому физическому и умственному усилю. Авторъ не прибавляетъ, что эти двѣ характеристики изображаютъ собой двѣ стадіи въ жизни русскаго туркестанца (конечно, не всякаго). Подвиги русскаго оружія и господствующее положеніе въ краѣ должны были выработать типъ людей, проникнутыхъ сознаніемъ своихъ силъ и желаніемъ примѣнить ихъ; по условіямъ русской общественной жизни, столь отличнымъ отъ американскихъ, этотъ избытокъ энергіи находилъ себѣ исходъ въ подвигахъ молодечества, очень полезныхъ въ военное время, но въ мирное время иногда несомвѣстныхъ съ житейскими отношеніями, установившимися въ культурныхъ странахъ. Нерасчетливая трата силъ въ странѣ съ жаркимъ климатомъ приводила или къ преждевременной уtratѣ энергіи, или къ той болѣзни, которой, какъ доказываетъ г-нъ Шварцъ (стр. 513), на этотъ разъ, повидному, основательно, подвергся уже первый и самый знаменитый изъ высокихъ посѣтителей Туркестана — Александръ Македонскій. Но кромѣ этой жизни въ Ташкентѣ существуетъ и другая, о которой г-нъ Шварцъ не сообщаетъ намъ ничего. Г-нъ Шварцъ упоминаетъ о развитіи умственной жизни при К. П. Кауфманѣ, благодаря которому Туркестанъ сдѣлался одной изъ наиболее изслѣдованныхъ въ научномъ отношеніи частей Имперіи (стр. 474); но, перечисляя существовавшія въ его время общества естествознанія, антропологии и этнографія — опущеніе очень характерное. Нѣсколько презрительно авторъ говоритъ, что въ «Туркест. Вѣдом.» время отъ времени появлялись статьи по географіи и исторіи Туркестана, «единственное цѣнное во всей газетѣ» (стр. 471); но съ жизнью того круга, гдѣ возникли эти работы, авторъ, повидному, былъ совершенно незнакомъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ книгѣ г-на Шварца жизнь края изображена не съ такой полнотой и разносторонностью, которыхъ мы могли бы ожидать отъ представителя высшей культуры. Г-нъ Шварцъ даетъ намъ талантливый, бойко написанный очеркъ быта туземнаго и русскаго населенія, со множествомъ интересныхъ подробностей, но безъ надлежащей критики, безъ правильного освѣщенія, безъ внимательнаго разсмотрѣнія настоящихъ нуждъ края; сужденія о прошломъ, настоящемъ и будущемъ Туркестана произносятся съ одинаковой смѣлостью и рѣшительностью, но, несмотря на важность затронутыхъ вопросовъ, едва ли о какомънибудь

мнѣніи автора можно сказать, что оно явилось результатомъ серьезнаго изученія предмета. Внѣшность книги (бумага, печать, множество превосходныхъ иллюстрацій) во всѣхъ отношеніяхъ превосходна и составляетъ, на нашъ взглядъ, едва ли не главное ея достоинство¹⁾.

В. Бартольдъ.

297. F. R. Martin, Moderne Keramik von Centralasien, Stockholm, 1897, 9 стр. 15 табл. 4⁰.

298. Id. Thüren aus Turkestan, Stockholm, 1897, 13 стр. 5 табл. 4⁰.

299. Id. Figurale persische Stoffe aus dem Zeitraum 1550—1650, Stockholm, 1899, 23 стр. 10 табл. 4⁰.

Мы указываемъ читателямъ Записокъ на вышеприведенныя три изданія г. Мартина и оставляемъ въ сторонѣ другія книги того-же автора²⁾ потому что два первыя касаются непосредственно среднеазиатскаго искусства, столь важнаго для русской археологіи и столь мало изслѣдованнаго, а третье даетъ новый матеріалъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ и до сихъ поръ, не смотря на ясную и простую постановку, не рѣшенныхъ вопросовъ — объ изображеніи живыхъ существъ въ мусульманскомъ искусствѣ.

Давая первой изъ названныхъ выше книгъ заглавіе общаго характера, авторъ вовсе не думалъ исчерпать все, касающееся современной среднеазиатской керамики, а только хотѣлъ дать новый матеріалъ по исторіи культуры и искусства Туркестана. Керамика на Востокѣ находится, по словамъ автора, въ такомъ-же періодѣ упадка, какъ и многое другое. На ея родинѣ, въ Персіи, ничто не напоминаетъ прежняго блеска (нѣкоторую оригинальность сохранили еще решеткія издѣлія); въ Дамаскѣ ограничиваются подражаніемъ; даже въ Египтѣ, этомъ центрѣ керамическаго искусства при Мамлукскихъ султанахъ, ничто не напоминаетъ о быломъ величіи. Лишь въ Тунисѣ сохранились черты самобытности; авторъ однако отказывается говорить подробно о керамикѣ этой страны, такъ какъ онъ не былъ въ Тунисѣ. Несомнѣнной жизненностью отличается керамика въ самомъ отдаленномъ углу мусульманскаго міра — въ русскихъ среднеазиатскихъ вла-

1) Перепечатано, съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, сдѣланными авторомъ, изъ газеты «Русскій Туркестанъ» за 1901 г., № 25.

2) Каковы напр. F. R. Martins' Sammlungen aus dem Orient. Stockholm, 1897. Id. Morgenländische Stoffe, Stockholm, 1897. Id. Sibirica, Stockholm, 1897. Id. The persian lustre vase in the Imperial Hermitage etc., Stockholm, 1899 и др.